

«Что передать вороне?» — вопрос этот задает герой рассказа своей дочери. Девочка любит слушать истории, которые отец-писатель передает ей от имени вороны, живущей возле их домика у Байкала. Ребенок — заинтересованный слушатель, способный оценить минуты общения с отцом, не передает вороне ни слова, нарушая этим свою связь с отцом, связь слушателя с рассказчиком. Дочь в данном случае лишь чутко реагирует на состояние и поведение отца, уезжающего вопреки просьбам остаться.

Все в рассказе — действия, размышления, чувства — это трудное, постоянное преодоление себя в себе. Не постижение, нет. Постигание личности персонажа, его внутреннего мира было в ранних рассказах, повестях. Для гроникивания в такое состояние — состояние постижения себя — В. Распутину понадобилось изображение беды (Кузьма из «Денег для Марии», Люся, Михаил из «Последнего срока», Виктор из «Вниз и вверх по течению») или трагедии (Павел из «Прощания с Матерой»). В рассказе «Что передать вороне?» нет внешней конфликтной ситуации, разве что размолвка с дочерью, тем драматичнее и даже трагичнее звучит конфликт внутренний: противостояние самому себе. Не прошлому, не будущему, себе — настоящему.

Повеествование от первого лица построено в форме вдумчивого, медленного монолога, когда во время произнесения его формулируются мысли, оцениваются поступки с точки зрения уже нового времени, прошедшего с той поры, о которой идет речь, нового опыта. И рассказ о двух днях жизни писателя, в которые произошло не так уж много событий, становится художественным выражением философских понятий о человеке. О всех и каждом из нас, кто заглядывает в душу свою. В. Распутин сначала показывает, а потом называет, формулирует свое понимание изображенного, и определение это, на наших глазах найденное, встанет легко и крепко в единый ряд событий последовательно развивающегося сюжета рассказа-воспоминания. Так совершенно закономерно возникает в сознании писателя мысль о «правиле занятого места». Появляется она в результате конкретно переживаемого события — ожидания шофера в автобусе, но эта реалья только лишь подтверждает всеобщность, распространенность правила не только на отдельные случаи, но на жизнь человека в целом. Кто не знает этой, настаивающей однажды, борьбы с собой, когда даже сознательно избранный в юности путь для всей жизни не кажется верным и единственным, тебе одному предназначенным? Но мучительная и страстная борьба остается, как правило, безысходной; жизнь, с которой свекис, оказывается предпочтительней в сравнении с другой, не прожитой. И все же пережитая даже однажды борьба эта заставляет человека по-иному, тверже и осознаннее смотреть на жизнь, профессию.

Ко всем нам и каждому в отдельности обращено распутинское определение «дня истинного», «дня своего», с заполненностью которого соглашается душа. Впервые в творчестве писателя мысль эта прозвучала в очерке «Пять последних шагов», затем, более развернуто, в «Деньгах для Марии». Кузьма, поддержанный председателем, знал точно: сегодняшней день был для него.

Объяснение понятия «своего дня» в повести связано с удачей: «...каждый день наступает не просто так, одинаково для всех, а приходит для кого-то одного, кому он приносит только удачу. Если человеку не везет и если месяц, два у него сплошные будни — значит это были чужие дни, а его собственный где-то уже на подходе». В последующих повестях тоже встречаются рассуждения о своем-не своем дне, но окончательную формулировку это распутинское понятие получает именно в рассказе «Что передать вороне?». «Наши дни во времени не совпадают с днями, отпущенными для дел; время обычно заканчивается раньше, чем мы поспеваем, оставляя не-

принимает эпизод путешествия по берегу Байкала в горы по-своему. Для меня это — прикосновение к тайне творчества. Трудное, мучительно трудное восхождение вопреки себе, во имя того, чтобы изгнать из себя чужую, мешающую жить тяжесть, наказать свое тело за неподдаемость, душу — за несовпадение с собой. И при этом зоркий, ничего не упускающий взгляд на окружающее, в себя. Чувствование Байкала, неба, воздуха, всего, что окружает и наполняет героя, изменяется по мере его продвижения вверх и с поразительной, казалось бы, невозможной чуткостью отражается в изменяющемся сознании. Вот это, наверное, самое сложное и значительное: передать

ним по духу, но ушедшим в мир иной людям. Память оставляет человеку живущему душу умершего, и чем теснее сольются две души, тем труднее — не тягостнее, нет — одиночество. Огромность природы, живущей вечно продолжающейся жизнью с одной стороны, хрупкость, ограниченность человеческого бытия во времени — с другой, личная причастность писателя-творца к мирозданию — все это подчеркивает одиночество, осознание вины и ответственность за все, что происходит на земле, ощущение неотвратимости возмездия за измену себе.

Рассказ написан от первого лица — форма для русской литературы традиционная. Читатель современной советской литературы назовет множество примеров из так называемой лирической прозы рубежа пятидесятих-шестидесятых годов, времени вступления В. Распутина на журналистский, а затем писательский путь. Основной задачей лирической прозы, задачей, обусловленной потребностью времени, было психологическое самораскрытие персонажа — повествователя, который нередко становился двойником автора. В таких произведениях, изображающих мир писательских знаний и эмоций, недостаточно полно осмысливалась реальная действительность, поскольку в «рассказ о себе» трудно было вместить жизнь во всем ее объеме. В середине шестидесятых годов утверждается новый стиль, в котором голос персонажа заметно потеснил авторский, проник в него. И это было обусловлено духовным развитием общества: время, социальная жизнь раскрывались как бы изнутри сознания персонажа. Так написаны повести В. Распутина. Но уже в «Прощании с Матерой» намечается новая тенденция, которую, за неимением более точного термина, назвали публицистической. В последнем рассказе автор делает своего героя писателем, а писательское сознание — центром, средоточием философских вопросов. Распутинский лиризм философичен. Это не просто «обнаженность» — перед всем миром с открытым сердцем. Это трудные поиски нравственной и духовной основы современной жизни, и трудны они еще и потому, что переживает их не отстраненный герой и даже не выразитель авторской позиции, подобно Дарье из последней повести. В рассказе — незавуалированное писательское сознание, мысли автора, душа автора, его личностная причастность к миру сегодняшнему.

Если вспомнить последние произведения Ю. Трифонова, «Колокольчик» и «Сороковой день» В. Крупина, другие произведения последних лет, то, вероятно, можно говорить, что в совокупности с распутинским «Что передать вороне?» они отражают новый диалектический уровень нашей жизни, нашего сознания. А таланты всегда первыми открывают читателю его изменяющееся бытие. Конечно, при условии, если талант обладает еще и гражданским мужеством.

...Разорванная отцом-писателем связь с дочерью, когда существовали между ними редкое согласие и понимание, приводит ребенка к болезни. В финале — классическая, русская, распутинская мысль о страдании ребенка за нравственное несовершенство мира.

Два главных чувства, две ответственности: перед собой — творцом, перед собой — отцом — две противоположности, из постижения и преодоления которых и состоит жизнь. **О. ШАХЕРОВА,**
преподаватель ИГУ.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К САМОМУ СЕБЕ

О НОВОМ РАССКАЗЕ В. РАСПУТИНА
«ЧТО ПЕРЕДАТЬ ВОРОНЕ?»

лело торчащие концы начатого и брошенного... Когда я говорю о делах, о законченности или незаконченности их во днях, не всякие дела я имею в виду, а лишь те, с которыми соглашается душа, дающая нам помимо обычной работы особое задание и спрашивающая с нас по своему счету».

Но почему определение «своего» дня — «распутинское»? Разве у нас с вами не так? Разве не узнает каждый, душой и разумом, проникнувший в рассказ, себя? Ведь если хорошо удалось ваше дело, так, что вы почувствовали себя мастером, это и есть «ваш» день. И чувство это как бы поднимает человека на новую высоту, с которой жизнь и место в ней видятся и понимаются отчетливой и ярче. Когда среди будничных забот ребенок ваш, ежедневно и ласкаемый, и ругаемый, вдруг открывается совершенно новой, неожиданной стороной, то потрясение это, вина перед ним за свою будничность станут душевным открытием, которое не позволит в будущем уходить слишком глубоко в свои, подчас не стоящие того обыкновенные хлопоты и эмоции. И день этот также станет «вашим» днем. Да, распутинское определение «своего дня», с которым соглашается душа, становится нашим определением, нашей догадкой о себе, прозрением и взрослением души каждого...

В третьей небольшой главе рассказа говорится о чувстве неслиянности себя с собой, раздвоении личностного начала, когда человек не знает, где его истинное, доподлинное, природой данное «я». Эта центральная глава, где нет сюжетного действия, становится авторским ключом ко всему рассказу. Впрочем, открывать ничего не надо: реализм В. Распутина настолько конкретен, что и расшифровки не требуется. Просто размышления писателя в противоречивых и постоянных поисках себя истинного, неудовлетворенности собой заставляют по-новому, глубже воспринимать то, о чем говорилось в предшествующих и будет сказано в последующих главах.

Наверное, каждый читатель вос-

мгновения изменяющегося сознания, проанализировать тона и оттенки сиюминутного чувства, зримо представить и воплотить слияние душевного порыва и действия. Достигается это через изображение восприятия природы во всем многообразии цвета, звука, глубины пространства, меняющейся от изменения места нахождения героя, а более всего от его сознания (или наоборот...). Человек в бесконечно покойном и полном единении со всей Вселенной, человек и мироздание, слитые единой тайной бытия, — это состояние беспредельного слияния с природой, способность легко и беспрепятственно идти вслед за влекущими голосами и есть подлинная жизнь творца, создателя нового, одному ему подвластного мира.

Сколько раз приходилось читать о том, что во время работы над произведением писатель проживает жизнь своего героя от начала до конца, в каждом ее мгновении. Валентин Распутин показывает это зримо, не просто заставляя проникнуться писательским чувством и поверить, он показывает, как творец художественного мира в едином времени переживает и наблюдает себя реального и ирреального, себя второго. Того, кто становится реальным в ином, по художественным законам созданном мире.

Для творца это — настоящая жизнь. В ней закон несовпадения себя с собой перестает действовать. И что с того, что застает она писателя не за рабочим столом. От этого он не перестает быть Творцом, а его жизнь — истинной.

Небольшой рассказ «Что передать вороне?» объем и многосложен по содержанию. Через верхние и глубинные напластования постоянно пробивается мотив об одиночестве творца. Впрямую он прозвучит однажды, в финале предпоследней главы, но ощущение писателем одиночества постоянно. Особенно яственно выступает этот мотив в главе, повествующей о путешествии по берегу Байкала. Здесь проявляется совершенно особенное качество лиризма В. Распутина, когда эмоциональная память автора обращается к близким и род-